

Переселение духоборов в Америку

Автор: Короленко Владимир Галактионович

В. Г. Короленко

Переселение духоборовъ въ Америку.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Короленко. Томъ шестой

Издание т-ва А. Ф. Марксъ въ С.-Петербурѣ. 1914

OCR Бычков М. Н.

Въ официальномъ органѣ "Кавказъ" была помѣщена слѣдующая телеграмма отъ 12 декабря прошлаго года: "Сегодня черезъ Александрополь и Акстафу прослѣдовали въ Батумъ 650 карскихъ духоборовъ-постниковъ. Остальные 2.250 духоборовъ, по возвращеніи изъ Акстафы фургоновъ и лошадей, распродадутъ ихъ и также отправятся въ Канаду. Зафрахтованъ уже пароходъ за 61 тыс. рублей... Необычайное переселение всюду производитъ удручающее впечатлѣніе".

"Послѣдняя партія духоборовъ, -- читаемъ мы затѣмъ, -- уходитъ изъ Карской области весною. Купецъ армянинъ и нѣсколько другихъ армянъ подали заявленіе объ арендованіи ихъ земель (тридцать тыс. десятинъ)" ("Нов. Вр.")".

Такимъ образомъ послѣдніе расчеты удаляющихся духоборовъ съ родиной къ веснѣ будутъ покончены. Но уже январь мѣсяцъ нынѣшняго года несетъ намъ извѣстіе съ другой стороны: къ концу декабря духоборы были уже въ Англіи, а 8-го января, по свѣдѣніямъ "Times'a", пароходъ "Lake Huron" съ русскими духоборами, въ числѣ 2.296 человекъ, присталъ къ берегамъ Канады. Другая партія въ 2 тысячи человекъ ожидалась черезъ недѣлю. "Канадское правительство, -- сообщалось въ телеграммахъ, -- сдѣлало обширныя приготовленія для принятія и содержанія переселенцевъ, пока можно будетъ устроить ихъ на новыхъ земляхъ". 13 (25) января "Таймсу" телеграфировали изъ Оттавы, что "черезъ этотъ городъ прошли 5 специальныхъ поѣздовъ съ духоборами. Дамы-благотворительницы угощали дѣтей пряниками и фруктами"...

Эти извѣстія открываютъ новую страницу въ исторіи русскихъ переселеній вообще. До сихъ поръ главныя теченія нашихъ переселеній направлялись на востокъ, въ "пустынные мѣста" Сибири, и на юго-западъ, въ придунайскія степи и плавни. Русскія поселенія старообрядцевъ и сектантовъ можно было встрѣтить въ Галичинѣ и Буковинѣ, въ Румыніи, Добруджѣ и Турціи, куда наши разновѣрцы уходили изстари, когда еще эти мѣста тоже можно было считать "пустынными". И при томъ, эти поселенія русскихъ выходцевъ жались все-таки невдалекѣ отъ родной границы. Въ Америку переселялись въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ поляки, частью латыши. 80-е и начало 90-хъ годовъ доставили Новому Свѣту значительныя массы русскихъ евреевъ, и теперь стоитъ вамъ пройти по нѣкоторымъ улицамъ Нью-Йорка или по State-street въ Чикаго, разговаривая съ кѣмъ-нибудь по-русски, -- чтобы васъ десятки разъ остановили русскими же восклицаніями земляки-евреи. Но это все-таки русскіе инородцы. Въ 70-хъ годахъ одинъ туристъ писалъ изъ Америки о цѣломъ поселкѣ чисто уже русскихъ людей на дальнемъ Западѣ. Это были, будто бы, бѣглецы изъ Сибири, основавшіе патріархальную общину, съ какимъ-то "Дѣдомъ", бывшимъ каторжникомъ, во главѣ. Авторъ рассказывалъ много чудеснаго объ этой общинѣ, но, къ сожалѣнію, впоследствии никто не могъ разыскать въ Америкѣ этого оригинальнаго поселка. Такимъ образомъ въ лицѣ духоборовъ чисто русское

племя открываетъ дѣйствительно новую страницу колонизаціи: пассажиры "Lake Huron" впервые еще оставляютъ между собой и родиной цѣлый материкъ съ огромнымъ океаномъ и пускаются со своей "вѣрой" и своими исканіями, въ своихъ кумачевыхъ рубахахъ и сарафанахъ и въ своихъ синихъ кафтанахъ -- въ самое сердце "новаго свѣта", съ его совершенію незнакомымъ религіознымъ броженіемъ и общественно-политическимъ укладомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ русскому туристу въ Америкѣ будетъ предстоять чрезвычайно любопытная поѣздка въ духоборческія поселенія. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ время уже рѣшитъ вопросъ: останется ли въ Новомъ Свѣтѣ русская рѣчь и отличительныя черты русскаго племени, можетъ быть, даже окрѣпнуть, -- за первыми партіями послѣдуютъ другія, и зерно станетъ разрастаться на новой почвѣ, -- или, наоборотъ, и русская рѣчь, и русскіе племенные признаки исчезнутъ въ англо-саксонскомъ потокѣ...

А пока, далеко, конечно, не претендуя на полноту изложенія, мы постараемся занести въ нашу хронику тѣ черты этого несомнѣннаго историческаго факта, которыя остались уже позади.

Возникновеніе духоборческой секты относятъ къ 1740 году, приписывая начало ея какому-то иностранцу квакеру. Несомнѣнно, однако, что элементы этого броженія можно прослѣдить и значительно ранѣе, уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда Матвѣй Башкинъ, явившись къ московскому Благовѣщенскому попу Симеону и назвавъ себя "христіаниномъ", сталъ задавать "недоумѣнные вопросы", по поводу которыхъ простодушный священникъ Симеонъ счелъ необходимымъ написать цѣлую "жалобницу", дабы за нечестіе сего духовнаго чада ему самому какъ-нибудь не пришлось къ отвѣту. Башкина и его послѣдователей судили и осудили на соборѣ: очевидно, однако, что раціоналистическія идеи бродили уже въ то время и съ тѣхъ поръ проявлялись въ разныхъ видахъ, не сознавая еще своей преемственной связи. Порой духоборовъ сближали съ молоканами, порой даже съ хлыстами; послѣднее произошло вѣроятно потому, что первоначальные приступы сильнаго религіознаго увлеченія во многихъ сектахъ сказываются одинаковыми проявленіями горячаго, почти горячечнаго энтузіазма, выражающагося въ болѣе или менѣе изступленныхъ "радѣніяхъ" и "наитіяхъ". Современемъ, однако, духоборчество опредѣлилось, какъ секта несомнѣнно и чисто раціоналистическая. Очень характерно, что духоборы встрѣчались всегда съ нѣкоторыми однородными теченіями среди интеллигенціи: имъ сочувствовали наши масоны, а извѣстный самобытный странникъ-философъ Григорій Саввичъ Сковорода составилъ даже особый катехизисъ: "Исповѣданіе вѣры духоборовъ екатеринославскихъ", который былъ представленъ губернатору, какъ признанное самими духоборами исповѣданіе. Но предложенію Д. В. Лопухина духоборамъ отведено было поселеніе на берегахъ р. Молочной (въ Мелитоп. уѣздѣ), но въ 1837 году послѣдовалъ указъ о новомъ переселеніи ихъ на Кавказъ. Въ 1841 году переселеніе это уже совершилось.

Здѣсь духоборамъ были отведены мѣста въ бывшемъ Ахалдыскомъ пашалыкѣ, недавно отвоеванномъ у турокъ (Ахалкалакскій уѣздъ), на чрезвычайно возвышенномъ плато (до 6 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря), въ мѣстности волнистой, совершенно безлѣсной и суровой. Зимы здѣсь долги и вѣтрены, лѣто короткое, съ ранними заморозками, сильно мѣшающими земледѣлію, но по склонамъ -- прекрасныя пастбища, что и опредѣлило главное занятіе поселенцевъ. 8 духоборческихъ слободъ, съ 6.600 жителей обоого пола, явились первыми русскими поселеніями въ этомъ суровомъ краю. Сначала духоборамъ было очень трудно, но они скоро примѣнились къ условіямъ и совершенно покорили дикую природу. Эта борьба выработала въ ихъ средѣ желѣзную волю и необыкновенную силу характера, которыя сказались и въ послѣднемъ эпизодѣ ихъ выселенія. Вскорѣ на склонахъ дикихъ горъ размножились ихъ стада, и благосостояніе ихъ сильно возросло. "У каждой духоборческой семьи, -- писалъ очевидецъ {Г. Словинскій, писавшій о броженіи въ духоборческой средѣ. См. "Биржев. Вѣдомости" 1895 и 1896 гг.}, -- есть по нѣскольку десятковъ крупнаго и мелкаго скота, у богачей же ходятъ цѣлые косяки лошадей и овецъ". За пятьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ переселенія, они подняли культуру этой дикой мѣстности, развели свою породу скота, называемую и теперь "духоборческой", провели по склонамъ дороги, и вскорѣ всѣ торговыя сношенія въ прилегающихъ мѣстностяхъ велись почти исключительно духоборческимъ транспортомъ. Въ 1877 г. они оказали значительныя услуги нашей арміи перевозкой припасовъ и отрядовъ. "Духоборческое общество, -- писалъ г. Словинскій, -- на своихъ подводахъ доставило бесплатно за нѣсколько сотъ верстъ, въ разгаръ войны, на театръ военныхъ дѣйствій "всю московскую дивизію". Вообще духоборы наложили собственную печать на всю занятую ими мѣстность, которая получила даже оффиціальное названіе Духоборіи.

Жизнь этой религіозной общины сложилась въ высшей степени своеобразно. Съ одной стороны, будучи

удалены отъ прежнихъ гражданскихъ условій и отъ прежней среды, гдѣ ихъ отцы, отличаясь религіозными взглядами, тѣмъ не менѣе жили одной жизнію со своими сосѣдями, -- духоборы сложили свою собственную, крѣпко сплоченную общину, гдѣ ихъ религіознымъ понятіямъ предоставлялся полный просторъ. Но, съ другой стороны, порывалась всякая связь съ общегражданскимъ строемъ всей остальной Россіи. Это обусловило чрезвычайную крѣпость внутренней ихъ связи и чрезвычайную неустойчивость правового положенія всей общины въ ея, такъ сказать, внѣшнихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ.

Такимъ образомъ на одномъ изъ горныхъ плато Кавказа, высоко надъ уровнемъ моря, гдѣ нѣкогда сидѣли, точно въ орлиныхъ гнѣздахъ, отдѣльныя кавказскія племена, не сливавшіяся другъ съ другомъ въ теченіе ряда столѣтій, -- теперь засѣло такое же какъ бы особое русское племя, со своими особыми нравами. Суровая жизнь и горный воздухъ закалили ихъ и выработали въ племя замѣчательно крѣпкое и выносливое въ физическомъ отношеніи. Всѣ источники единогласно указываютъ также на высокій уровень ихъ нравственности. "Взаимныя отношенія духоборовъ, -- пишетъ о нихъ изслѣдователь, г. Вермишевъ, -- отличаются замѣчательною чистотою и безкорыстіемъ". Никогда духоборъ съ духобора не беретъ процентовъ за заемъ. Прежде вообще всякій процентъ считался у нихъ грѣхомъ, -- и хотя въ послѣдствіи стали брать проценты съ не-духоборовъ, но и эти проценты всегда стояли вдвое ниже средняго для Ахалкалакского уѣзда. Этотъ взглядъ, а также широко развитое чувство взаимности и общественная помощь совершенно исключили возможность кулачества и ростовщичества въ духоборческой средѣ. "У духоборовъ, -- писалъ другой авторъ {См. "Русскія Вѣдомости" 4 сент. 1895 г.}, -- нѣтъ совсѣмъ нищихъ, а также преступленій противъ собственности, и отношенія между богатыми и бѣдными не носятъ враждебнаго характера", -- что объясняется производительностью труда и отсутствіемъ эксплуатаціи. "На сходкахъ свобода мнѣній богачами никогда не подавляется и, кромѣ того, духоборы принимали мѣры, чтобы разница между богатыми и бѣдными не была слишкомъ велика". Въ четырехъ ихъ селеніяхъ была даже опредѣлена норма скота, больше которой домъ не имѣетъ права держать на общественномъ пастбищѣ. При этомъ, духоборы, по словамъ того же автора, -- индивидуалисты: каждый изъ нихъ стремится къ экономической независимости, семейные раздѣлы у нихъ часты, производительныя товарищества не привились. Торговлей они занимались мало. Главнымъ занятіемъ ихъ были скотоводство и извозъ, поставленные превосходно.

Въ основу своихъ религіозныхъ понятій они ставятъ трудъ и поклоненіе Богу "духомъ, просвѣщаемымъ словомъ Божіимъ". Священство и обрядовая сторона отрицаются совершенно. Въ молитвенныхъ домахъ они собираются лишь для чтенія и пѣнія псалмовъ, заучиваемыхъ съ дѣтства. Послѣ пѣнія и чтенія духоборы кланяются другъ другу и цѣлуются -- мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами. Дѣти кланяются взрослымъ въ ноги и цѣлуютъ у нихъ руки. Евангеліе читаютъ только въ частныхъ собраніяхъ. Бракъ признается учрежденіемъ общественнымъ: заявленіе родителямъ, свадебный пиръ и затѣмъ записка въ книгу. Разводъ свободенъ, но случаи его рѣдки. Незаконныя дѣти пользуются одинаковыми правами наслѣдства, какъ и законныя, и за соблазнъ дѣвушекъ отвѣтственными считаются мужчины. Судятъ старики, которые сначала склоняютъ спорящихъ къ миру. Наказанія -- первые два раза внушеніе, въ третій разъ -- розги и заключеніе въ холодную. Въ этомъ отношеніи, вообще, нравы духоборовъ довольно суровы.

Таковы внутренніе распорядки своеобразной общины, расцвѣтшей въ гористой Духоборіи. Они приобрѣли духоборамъ чрезвычайное уваженіе окружающихъ жителей. Что же касается до ея гражданской стороны и до ея отношеній къ окружающему міру, то они были не менѣе своеобразны и чрезвычайно примитивны.

Вся община представляла патріархальную единицу, управляемую однимъ лицомъ. До 1887 года такимъ лицомъ являлась Лукерья Васильевна Калмыкова. Источникъ этой странной власти пока еще, кажется, остается невыясненнымъ. Нѣкоторые авторы называютъ Калмыкову духоборческой "богиней", что, кажется, не имѣетъ никакого основанія, а г. Словинскій пишетъ, что фамилія Калмыковыхъ считается "княжеской духоборческой фамиліей, и съ самаго водворенія на Кавказѣ Калмыковы не только являлись руководителями духоборовъ, но и господствовали надъ ними". Какъ бы ни было, Лукерья Васильевна Калмыкова являлась внутри общины настоящей владѣтельной княгиней, правившей безконтрольно. Повидимому, она не вмѣшивалась во внутренніе распорядки отдѣльныхъ селеній, но за то единолично распоряжалась огромными суммами, собираемыми съ общества, и вела всѣ внѣшнія сношенія съ мѣстной администраціей. Кромѣ разныхъ пожертвованій, каждый духоборъ обязанъ былъ отдавать значительную долю всякаго своего заработка деньгами и натурой, и все это поступало въ полное распоряженіе Лукерьи Васильевны {По одному извѣстію -- этотъ налогъ составлялъ 1/10 часть всякаго заработка.}. Она жила очень широко, даже

роскошно, устраивала пышные приемы чиновным посетителям и завывала благотворительными делами. Ею был построен обширный приют для хилых, стариков и сирот; она даже помогала в случаях пожаров, падежа скота и других несчастий. Кроме того, в ее руках, за всеми этими расходами, оставались значительные общественные суммы. По мнению самих духоборов, это были миллионы, г. Словинский полагает, что суммы эти простирались до 200 тысяч.

Лукерья Васильевна служила таким образом верховной главой и единственной нитью, связывавшей духоборческую общину с внешним миром. Понятно, как несовершенно было это "гражданское устройство" и как тонка эта нить. Никакого живого обмена между окружающим гражданским миром и общиной не существовало; духоборы жили точно на каком-то острове, со своими взглядами и своими правами. Во всем остальном они полагались на Лукерью Васильевну. Внешнее благосостояние прикрывало для них опасность этого положения, и община жила, как говорится, точно у Христа за пазухой. Наблюдатели их жизни в этот период, отмечая единогласно трудолюбие, честность, добродушие и личные качества духоборов, -- свидетельствуют, однако, и об общественной их косности и застои. Ни в одном духоборческом селении не было школ, и на все предложения по этому поводу духоборы отвечали отказом {Впоследствии это сказалось самым печальным образом в Америке.}. Г. Вермишев полагает, что "духоборы понимают все преимущества "настоящего образования", но боятся поверхностного знания, которое развивает неповиновение старшим и стремление к праздной жизни". Это, к сожалению, обычная аргументация всех противников просвещения, которое, однако, никогда не может стать сразу "полным" и "настоящим" и нигде не оправдывало в сколько-нибудь значительных размерах этих опасений. По словам других наблюдателей, духоборческая молодежь жадно стремится к грамоте. Очень может быть, что "старикам" пришлось бы современем уступить, и тогда началась бы, без сомнения, совершенно другая история духоборческой общины, но пока почти сплошная безграмотность составляла отрицательную черту духоборческой общины. Даже молитвы и псалмы они все заучивали только наизусть; суеверие в их среде очень сильно: лезутся нашептыванием, перевязыванием черными нитками и т. д. В отношении религиозном 12 лет назад г. Вермишев отмечал тоже чрезвычайную неподвижность. "То, что им завещано предками, почитается ими, по крайней мере на словах, за святыню, и никаких отступлений от этого завета отцов они не допускают. Ни одной новой мысли, ни одной живой струи, освещающей религиозную атмосферу духоборской общины".

В таком положении застала общину смерть Лукерьи Васильевны Калмыковой (15 декабря 1886 г.). С этим событием все изменяется. Слабая связь, на которой ковчег общины держался над остальным миром, обрывается разом, и неустойчивость ее гражданского положения, покоившаяся на авторитетно-патриархальных началах, -- обнаруживается во всей силе.

Дело прежде всего началось с вопроса о движимом и недвижимом имуществе, оставшемся после смерти "духоборческой княгини". Никто, конечно, не мог сомневаться, что по существу -- все это достояние духоборческого общества, составившееся из пожертвований и даже налогов, которыми общину обладала Калмыкова. Но так как, по закону, сектанты не могут устраивать складов и сборов, то на языке гражданского уложения оно носит название "наследства после Лукерьи Калмыковой", со всеми последствиями такой квалификации. Сама Калмыкова и не подумала о том, чтобы обставить свое "наследство" теми или другими законными нормами. При жизни она думала за всю общину, принимала "чиновных лиц", отводила от своих "детишек" грозившие им напасти посредством известных исконных способов российской обывательской дипломатии, вообще стояла между "грешным" миром и общиной, которая во всем полагалась на нее, нисколько, повидимому, не заботясь о том, кто станет на ее место и как станут справляться ее "детишки" после ее смерти. Давно уже сказано, что русский народ -- не политик.

Само собою разумеется, что, как только открылось "наследство", так явились и "наследники", готовые воспользоваться своим формальным правом. У Лукерьи Васильевны оказался брат, некто Губанов, который и предъявил свои права. Он нашел деятельных приверженцев. Духоборы утверждают, что вначале никто не предъявлял спора, и права общества были скреплены какой-то бумагой, с приложением печати старосты Зубкова {"Нов. Вр." и "Нижегор. Ллст." 1895, No' 255.}. Но все эти толки, повидимому, отмечены тем полумистическим представлением о назначении всяких "бумаг с печатями", которое так характерно для беспомощного и безграмотного русского человека. Да и эта "бумага" вскоре куда-то

исчезла, староста Зубковъ принялъ сторону Губанова, и община очутилась передъ лицомъ формальнаго права, совершенно невооруженная для борьбы. На сторонѣ же наслѣдника стоялъ уѣздный начальникъ Дьячковъ-Тарасовъ, уличенный впоследствии въ многочисленныхъ злоупотребленіяхъ.

На мѣсто Калмыковой былъ избранъ духоборами Петръ Веригинъ, молодой и необразованный духоборъ, который, конечно, совершенно растерялся передъ трудностью задачи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ обществѣ произошло раздѣленіе. Мы не знаемъ подробностей самаго процесса, который общество вело съ "наслѣдниками". Извѣстно только, что формальныя права Губанова, основанныя на указанномъ выше законѣ, были признаны судомъ, и онъ вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ.

Тогда въ общинѣ начались беспорядки и рядъ "сопротивленій". Духоборія вся глубоко всколыхнулась, и броженіе вышло даже за ея предѣлы, такъ какъ къ тому времени поселенія духоборовъ распространились и по сосѣднимъ уѣздамъ. Приверженцы правъ общества, стоявшіе за своего избранника, Петра Веригина, приняли почему-то названіе "писанныхъ" (вѣроятно, подписавшихъ его выборъ или какое-нибудь заявленіе), противники называются "неписанными".

Съ этихъ поръ волненія въ Духоборіи стали обращать на себя общее вниманіе. Въ газетахъ то и дѣло появляются извѣстія о беспорядкахъ и даже сопротивленіи власти со стороны "писанныхъ" духоборовъ. Петръ Веригинъ, какъ одна изъ "причинъ" броженія, былъ сосланъ въ Колу; эта высылка ничему, конечно, не помогла. Молодой духоборъ явился "мученикомъ", и въ Колу начались настоящія паломничества {Когда эти паломничества были воспрещены, то оказалось, что Дьячковъ-Тарасовъ все-таки выдавалъ паспорта въ Колу, взимая за нихъ 300--400 р. ("Биржев. Вѣд." 1896 г., No 8).}. Простодушные приверженцы ждали отъ Веригина помощи и указаній, но онъ самъ жилъ въ мірѣ все болѣе экзальтировавшихся чисто религіозныхъ представленій, и его распоряженія не имѣли, повидимому, прямого отношенія къ тому, что совершилось. Повременамъ онъ обѣщаль переселить всѣхъ духоборовъ въ Архангельскую губернію, иногда присылалъ деньги, иногда требовалъ самъ значительныя суммы, которыя, вѣроятно, уходили болѣе или менѣе фантастическимъ образомъ {"Биржев. Вѣд." 1896 г., No 29.}. Все это, вмѣстѣ съ непонятнымъ для массы исходомъ процесса, подымало недовольство. Веригинцы отказывались отъ уплаты жалованья замѣстителю сосланнаго Веригина, говоря, что "они имъ не нужны". Когда же съ нихъ взыскивали по исполнительнымъ листамъ, они "противились". Сопротивленіе это принимало порой очень оригинальныя формы: толпа, сгрудившись, противопоставляла стражникамъ пассивное сопротивленіе массы человѣческихъ тѣлъ {См. "Биржев. Вѣд." 15 окт. 1896 г. Дѣло о сопротивленіи суд. приставу Теръ-Азарьеву.}.

Между тѣмъ и религіозное настроеніе, "застоявшееся", по словамъ г. Вермишева, въ годы спокойствія и довольства, -- приходило въ броженіе и фанатизировалось. Однимъ изъ положеній духоборчества съ давнихъ поръ считалось также отрицаніе присяги и военной службы. Уже въ царствованіе императора Александра I, въ общемъ относившагося къ духоборамъ довольно благосклонно, предписывались строгія мѣры за отказъ отъ солдатчины; въ 1825 году еще разъ было подтверждено, что духоборы не избавлены отъ рекрутчины, и за отказъ повелѣно предавать ихъ суду. Въ царствованіе императора Николая правительство тоже не разъ особыми указами пыталось регулировать эту сторону духоборческаго ученія, устанавливая, напр., права духоборовъ по зачету рекрутскихъ квитанцій и найму охотниковъ. Такъ, послѣ переселенія ихъ на Кавказъ, имъ было дозволено нанимать за себя охотниковъ изъ мусульманъ, но потомъ это право было отмѣнено, и духоборамъ предоставлено нанимать охотниковъ только въ своей средѣ {2 й. сб. зак, No 7535 и No 12316.}. Въ сороковыхъ годахъ было установлено, что духоборы не могутъ покупать рекрутскихъ квитанцій, если таковыя первоначально были выданы не духобору. Это распоряженіе отмѣнено въ 1863 г.

Уже изъ этого видно, что отказъ отъ военной службы въ духоборческой средѣ обращалъ на себя вниманіе задолго до послѣдняго броженія и, значить, нѣтъ основанія приписывать его вліянію разныхъ новѣйшихъ теченій въ интеллигентной средѣ. Въ годы спокойной жизни духоборческой общины печать компромисса легла на эту сторону ученія, и злополучное "дѣло о наслѣдствѣ" застало много молодыхъ духоборовъ въ рядахъ арміи, гдѣ они считались даже образцовыми солдатами. Точно также и сами обитатели Духоборіи, поселенные въ дикой мѣстности и среди племенъ, склонныхъ къ хищничеству, обзавелись оружіемъ, котораго по слободамъ оказалось очень много. Но исходъ судебного дѣла, ссылка Веригина, а затѣмъ начавшіяся преслѣдованія его партіи вновь подняли вопросы духоборческой догматики, тѣмъ болѣе, что Веригинъ въ своей дальней ссылкѣ переживалъ, очевидно, такое же настроеніе.

"Кола -- мѣсто холодное и далекое, -- писалъ корреспондентъ "Моск. Вѣд." въ ноябрѣ 1895 г., -- но тѣмъ серьезнѣе кажется подвигъ паломничества... Установилась живая связь между Кавказомъ и Колой, при чемъ послѣдняя, свободная отъ непосредственнаго воздѣйствія кавказской администраціи, принялась издавать своеобразные законы, вродѣ слѣдующаго: "чиновникамъ взяткоу не давать, водки не пить"... или "нѣтъ начальства, кромѣ Бога, не сопротивляйся злу, ближняго не убивай". А затѣмъ Веригинъ сталъ вегетаріанцемъ, предписывалъ своимъ послѣдователямъ воздержанію отъ мясной пищи и воспретилъ даже брачное сожитіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Съ этихъ поръ приверженцы Веригина, кромѣ названія "писанныхъ", приобрѣли еще названіе "постниковъ". Очевидно, неуспѣхъ въ реальной борьбѣ съ міромъ заставилъ этихъ энергичныхъ людей замкнуться въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, и проповѣдь сосланнаго Веригина встрѣчала благодарную почву.

Авторъ цитированной статьи "Моск. Вѣдомостей" склоненъ, кажется, приписывать слишкомъ большое значеніе "законодательству изъ Колы", не замѣчая, что важнѣйшія положенія этой проповѣди представляютъ только обостреніе уже существовавшего ученія, начинавшаго сглаживаться и теперь обострившагося внезапно подъ вліяніемъ гоненія. Спокойное до тѣхъ поръ общество быстро фанатизировалось, "писанные, постники" сразу выдѣлились изъ массы. "При проѣздѣ начальства, -- сообщалъ тотъ же корреспондентъ, -- они не снимаютъ шапокъ. Подати платить они отказались, но при требованіи таковыхъ полиціей -- открываютъ общественную кассу и предлагаютъ брать, сколько вздумается. Съ женами уже третій годъ не живутъ, водки не пьютъ. Слѣдовательно, -- заключаетъ корреспондентъ, -- въ результатѣ получился бунтъ (признаки котораго нѣсколько, скажемъ отъ себя, курьезны въ этомъ изложеніи), вся сила котораго -- въ его пассивности. Во время предварительныхъ убѣжденій, когда казаки сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ пострадать за вѣру" {"Моск. Вѣд." -- перепечатка "Волжскаго Вѣстника", No 300, 1895 г.}...

И, дѣйствительно, начавшіяся было столкновенія и прямыя сопротивленія стали стихать.. Идея "непротивленія" охватила массу до фанатизма. Побои "противниковъ" постники сносили съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и кротостью. Такъ, напр., сообщалось въ "Биржев. Вѣдомостяхъ": "Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, особенно чтимыхъ духоборами ради сосланнаго Веригина, въ селѣ Орловкѣ они собирались на молитву. Во время чтенія псалмовъ на нихъ напали и начали бить ихъ плетми, но никто изъ духоборовъ и не думалъ оказывать сопротивленія. Всѣ они упали на колѣни, и слышны были лишь возгласы: "Господи, помоги намъ!" Расправа эта продолжалась таки долго, и многіе были жестоко избиты" ("Бирж. Вѣд." 1895 г., No 220).

Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ фанатическое настроеніе возростало. "Ночь на 29 іюля (т. е. опять-таки на Петра и Павла), -- писалъ корреспондентъ "Каспія", -- прошла въ Славянкѣ чрезвычайно тревожно. Еще за двѣ недѣли стали ходить слухи, что сторонники Веригина дѣлаютъ какія-то необычныя приготовленія. Говорили даже, что веригинцы хотятъ устроить "судъ Божій", предать себя самосожженію, для чего уже навезли много дровъ и т. д. Съ утра между веригинцами замѣчалось какое-то лихорадочное движеніе, а къ вечеру въ Славянку стали прибывать и веригинцы изъ другихъ деревень: Новотроицкаго, Новогорѣлова и Спасовки... Часовъ около 9 вечера въ юго-западной части Славянки появилось зарево. Оказалось, что веригинцы развели костеръ и сожгли все свое оружіе: ружья, револьверы, кинжалы. Одновременно къ костру направились толпы веригинцевъ. Полиція пыталась остановить шествіе, но безуспѣшно. Веригинцы, числомъ около 1000 человекъ, собрались въ садикѣ, возлѣ котораго былъ разведенъ костеръ, и стали молиться. На другой день они стали являться къ приставу Теръ-Аствацатурову и возвращать билеты, а также свидѣтельства воинскаго присутствія, ссылаясь на то, что убивать людей имъ не велитъ ихъ ученіе" {"Каспій", перепечатано въ "Сам. Газ." 5 августа 1895 года.}.

Духоборы, мирно отбывавшіе воинскую повинность, стали являться къ своимъ начальникамъ и тоже возвращали оружіе. Уже въ іюль этого же года кавказскій военно-окружной судъ разбиралъ дѣло 11 рядовыхъ Асландузскаго полка, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ. Однажды, вернувшись съ караула, они положили ружья на нары и сказали капитану Крупенникову: "возьмите оружіе". Отказъ этотъ они мотивировали шестой заповѣдью "не убій" и, не смотря на всѣ увѣщанія, настояли на своемъ отказѣ, выражая готовность претерпѣть за это "тѣлесныя муки". Всѣ они, -- прибавляетъ корреспондентъ, -- brave, рослые солдаты, кровь съ молокомъ, приговоръ суда (дисциплинарный батальонъ) они выслушали спокойно {"Биржев. Вѣд." 1895 г., No 201 и "Веч. Листокъ Волгаря" 1895 г., No 187.}. За этимъ слѣдовали другіе эпизоды въ томъ же родѣ.

Это проснувшееся послѣ многихъ лѣтъ движеніе въ направленіи отказа отъ военной службы и другія проявленія обострившагося сектантства побудили тифлискаго губернатора лично отправиться въ Ахалкалакскій уѣздъ; сюда же были присланы 2 сотни казаковъ и нѣсколько ротъ пѣхоты... Однако, все это не произвело желаемого дѣйствія. Въ концѣ концовъ, рѣшено было опять расселить непокорныхъ по разнымъ уѣздамъ, и съ этихъ поръ начался новый періодъ пилигримства. Духоборы оставляли насиженные гнѣзда, наскоро и за безцѣнокъ продавали дома, скотину, имущество, остальное укладывали въ фургоны и отправлялись въ новыя, непривѣтныя мѣста Душетскаго, Сигнахскаго, Тіонетскаго и Гурийскаго уѣздовъ. Корреспонденты самыхъ различныхъ газетъ сообщали по истинѣ эпическія черты изъ этихъ странствій. Закаленные трудомъ и жизнью въ горахъ, охваченные неодолимымъ и упорнымъ энтузіазмомъ, духоборы тянулись въ своихъ фурахъ мимо Тифлиса, направляясь на новыя мѣста, вызывая во всѣхъ встрѣчныхъ невольное недоумѣніе и сочувствіе. "Изъ-за горизонта показываются фургоны, -- описываль одну изъ такихъ партій корреспондентъ "Новаго Времени".-- Всѣ фургоны, числомъ 27, переполнены семействами духоборовъ Ахалкалакскаго уѣзда. Куда они направляются? Что это за движеніе такой массы людей? Подхожу съ вопросомъ къ одному фургону. Ни звука. Къ другому -- одинъ нѣмой взглядъ". Наконецъ, корреспондентъ встрѣчаетъ болѣе сообщительнаго собесѣдника. -- Право, мы сами не знаемъ, куда насъ выселяютъ, -- отвѣтилъ ему старый духоборъ.-- Въ нашихъ фургонахъ 35 семей, остальные партіи изъ 7 духоборскихъ селеній ѣдутъ за нами. Бросили дома, бросили все добро... ѣдемъ куда-то....

-- Въ чемъ же дѣло?

-- Спросите Зубкова и Губанова, они вамъ скажутъ... Затѣмъ онъ разсказаль о Лукерѣ Васильевнѣ Калмыковой, объ ея смерти, о наслѣдствѣ и о проигрышѣ этого дѣла (тянувшася 9 лѣтъ!). "Когда не хотять принять и разобрать наше справедливое дѣло, -- сказаль старикъ, -- то и мы отказываемся исполнять всякое приказаніе начальства". Вотъ, очевидно, центръ этого настроенія!.. "Хуже не будетъ, -- продолжалъ духоборъ...-- До сихъ поръ мы исполняли всѣ приказанія начальства, а теперь не пойдемъ ни на присягу, ни на военную службу и платить никакихъ повинностей не будемъ... Вы видите нашихъ, въ какомъ они положеніи. Такая же участь ждетъ и остальныхъ 7 селеній (Горѣловка приняла сторону Губанова)... Намъ все равно, куда бы ни сослали. Вездѣ -- Богъ, всюду земля..."

"Въ слѣдующее воскресеніе -- новая партія въ 107 фургоновъ. Тѣ же отвѣты, тѣ же спокойныя фізіономіи, точно люди собрались на праздникъ. И то же упорство. "Дѣлайте съ нами, что хотите, мы не уступимъ"... Посмѣиваются, но этотъ смѣхъ, точно у приговоренныхъ къ смерти.

"Слѣдующая партія останавливается; хоронять ребенка, при чемъ мѣстные хохлы отказались дать мѣсто покойнику на своемъ кладбищѣ... Близъ рѣки роютъ могилу, кругомъ столпились женщины и дѣти, мать не можетъ оторвать глазъ отъ мертваго ребенка.

"-- Воля Божія, -- говоритъ старый духоборъ, -- тамъ били, здѣсь умираютъ..."

"-- Развѣ били?

"-- Да, думали -- мы уступимъ, видя побои стариковъ и дѣтей... Но мы лучше умремъ.

"Богъ знаетъ, кто правъ, кто виновать, -- пишетъ корреспондентъ:-- жители 7 селеній или Зубковъ съ Губановымъ. Но, думаю, слѣдовало бы отнестись къ этому дѣлу болѣе осторожно. Разъ въ теченіе 59 лѣтъ духоборы не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ, то не можетъ быть, чтобы отчаянное ихъ сопротивленіе было совсѣмъ безпричинно" {"Нов.- Вр.", перепеч. "Нижегор. Листка" 18 сент. 1895 г., No 255.}.

Разумѣется, это новое переселеніе ничего не разрѣшило, и духоборы обратились съ прошеніемъ о дозволеніи имъ переселиться въ Америку. На это, съ извѣстными ограниченіями, послѣдовало разрѣшеніе, и извѣстія, которыми мы начали эту замѣтку, представляютъ эпилогъ этой печальной исторіи.

Въ газетѣ "Сынъ Отечества" уже въ концѣ января и въ началѣ февраля появились интересныя "Письма изъ Англіи", гдѣ корреспондентъ передаетъ, со словъ канадской газеты "Herald", подробности перваго появленія духоборовъ у береговъ Новата Свѣта... Подробности эти отмѣчены опять чисто эпическими чертами, переносящими воображеніе въ какія-то давно прошедшія времена.

"Лица, -- пишетъ корреспондентъ, -- получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода "Lake Huron" (приставшаго къ берегамъ Канады), -- были свидѣтелями сцены, которую

трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближающуюся шлюпку... Когда послѣдняя приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни; духоборы пѣли благодарственный псаломъ, производившій впечатлѣніе могучаго хора, пѣвшаго "Тебе Бога хвалимъ"... Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что русскія слова псалма означали "Богъ съ нами, Онъ сохранитъ насъ"... Слова вполне соотвѣтствовали обстоятельствамъ, особенно, если принять въ соображеніе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ "Lake Huron", пришлось немало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время въ океанѣ.

"Зрѣлище было необыкновенно живописное. Вода, блиставшая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духоборовъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, женщины -- въ юбки ярко-краснаго и голубого цвѣта, тяжелые жакеты (?) и цвѣтные голубые платки".

На пароходѣ, вслѣдъ за санитарными чиновниками, проникли представители прессы и др. посѣтители. "Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, не смотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женщина, сильно разнившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

"Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознестъ благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

"Вслѣдъ за тѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственною рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: "Я провелъ на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизаціи и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада". Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ отечествѣ.

"Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посыпавшихся на него вопросовъ относительно условій путешествія. Онъ рассказалъ, что погода благопріятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароходныхъ помещеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя пароходу бурями.

"Завѣдующій пароходнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большой похвалой о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

"Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно окачивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась духоборка,

родившаяся подъ синью британскаго флага. Счастливые родители дали ей имя Канады. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

"За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ.

"Пароходъ "Lake Huron" пробылъ въ пути 29 дней (13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16 -- отъ Гибралтара до Галифакса)".

Земля, выбранная духоборами для ихъ поселенія, расположена въ мѣстности, находящейся при скрещеніи границъ Манитобы съ юго-восточнымъ и сѣв.-восточнымъ краями Саскачевана... Второй поселокъ будетъ находиться въ 15 миляхъ отъ перваго, въ сѣверо-вост. Ассинобоѣ. Почва участковъ превосходнаго качества...

Вся эта картина, вдохновляющая даже газетныхъ репортеровъ на такія эпическія описанія, переноситъ воображеніе практичныхъ современныхъ американцевъ къ отдаленнымъ временамъ, когда къ берегамъ Новаго Свѣта съ такими же гимнами приставали пресвитеріане, квакеры и индепенденты... {Къ сожалѣнію, эти идиллическія отношенія впослѣдствіи нарушились: духоборы мечтали о прежней "Духоборіи" въ Америкѣ, и ихъ суевѣрный страхъ передъ всякими формальными связями съ общественностью новой родины причинялъ не мало хлопотъ обѣимъ сторонамъ (позднѣйшее примѣчаніе).}.

1899 г.